

Критика

НЕМНОГО СОЛНЦА В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ КРИЗИСА

Янош Корнай. Размышления о капитализме.
М.: Издательство института Гайдара, 2012. — 348 с.

ЧЕРЕДНАЯ книга Яноша Корнай вызывает несомненный интерес — не меньший, чем все предыдущие переводы книг автора. Для нас Корнай особенно ценен тем, что одна из главных линий его исследований, к которой он постоянно возвращается, — это сравнительный анализ социалистической и капиталистической хозяйственных систем. Венгерский экономист справедливо отмечает, что теоретиков мейнстрима социалистического эксперимента мало волновал в эпоху соревнования двух систем и тем менее он интересен им сегодня, в период победившего постсоциализма. Что до российских экономистов-теоретиков, жизнь и научная деятельность которых радикально разошлись, для них тема сопоставления двух общественно-экономических систем сохраняет остроту и значимость.

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что безусловной поддержки, если не реабилитации заслуживает само понятие «капитализм», которое, как и в прошлом, по-преж-

нему остается чрезвычайно емким и содержательным, точнее всего характеризующим природу современного общества в странах Запада и в новых капиталистических государствах. Все попытки уйти от этого термина, стыдливо спрятав его за более нейтральными и привлекательными для масс определениями, представляются малоубедительными. Для Корнай капитализм — явление, безусловно, позитивное: это система хозяйствования с хорошими перспективами. Даже в условиях нынешнего глубокого кризиса, считает автор, капитализм «продолжает жить» (323)¹. По своему духу и направленности его работа в известном смысле напоминает нашу мевшую в свое время статью американского исследователя Ф. Фукуямы «Конец истории?» (1989), в которой провозглашалась окончательная победа либерализма в мировом масштабе. По существу, Я. Корнай также

1. Здесь и далее цифрами в скобках обозначены страницы рецензируемого издания.

обосновывает гипотезу о наступлении периода преодоления социалистических соблазнов. Он подкрепляет ее неоправдавшимися ожиданиями на создание более дееспособной экономики. Вместе с тем защита капитализма как системы хозяйства идет не по пути очередной апологии данной экономической модели, а опирается на ее критический анализ. Характеризуя капитализм как «наименьшее из зол», автор не без основания может отнести себя к его «реалистичным сторонникам» (224). Тем самым провозглашается неразрывная связь достоинств капиталистического хозяйствования с его недостатками, которые подвергаются одинаково серьезному разбору.

В книге немало интересных и дискуссионных вопросов, которые открывают новые области исследования. Вместе с тем некоторые из предложенных трактовок нуждаются в уточнении, а нередко и в опровержении. Избегая пересказа этой довольно объемной и многогранной книги, состоящей из четырех относительно самостоятельных частей, и не останавливаясь специально на достоинствах и заслугах автора в разработке поднятой темы, ограничусь лишь рассмотрением трех проблем, которые в предложенной концепции можно отнести к числу центральных.

Прежде всего речь идет о характеристике связи капитализма с техническим прогрессом. Именно в этом автор усматривает главное достоинство и ключевое преимущество капиталистической системы хозяйства. Первая часть работы так и называется — «Инновации и динамизм». Корнаи доказывает, что капитализм, в отличие от плановой социалистической экономики, имманентны и в самой его основе присущи инновационность и динамизм. В частно-

сти, он приводит 89 инноваций, которые, по его мнению, преобразовали повседневную жизнь людей (40–44), отмечая, что все они — результат деятельности капиталистических компаний, в основном американских (70 из предложенного перечня). В то же время, по его мнению, нельзя найти ни одной революционной инновации, которая была бы внедрена в социалистической стране (46). Естественно, столь категоричная оценка вызывает желание ее проверить. Даже не занимаясь серьезными изысканиями, получается вот что — приведу несколько примеров.

В 1930 году советским ученым С. В. Лебедевым была создана технология промышленного получения синтетического каучука, а с 1932 года началось его масштабное производство. Этот новый продукт имеет не меньше оснований быть отнесенным к числу революционных новаций, затронувших повседневную жизнь людей, особенно с учетом наступившей автомобильной эры. Другой пример касается изобретения телевидения и начала телевидения. Данная инновация сыграла огромную роль в формировании современного образа жизни во всем мире. Как и любое сложное научно-техническое новшество, оно стало результатом научной деятельности в самых разных странах. Тем не менее многие из необходимых технических новинок в области телевидения были разработаны и внедрены в 1930-е годы в СССР — что-то раньше, что-то позднее, чем в США. При этом в СССР раньше, чем в США, началось телевидение. Таким же примером может служить создание пассажирского самолета с реактивным двигателем. Корнаи первый образец этого устройства (*Comet* — «комета») приписывает США, хотя данная модель самолета была разработана и в 1952 году введена в эксплуатацию в Англии.

Но дело не в этой, по-видимому, неточности. Главное то, что в СССР примерно в те же годы был создан (1955) и запущен в эксплуатацию (1956) собственный гражданский реактивный самолет Ту-104. Кстати, начало эксплуатации аналогичного по типу американского самолета («Боинг-707») пришлось лишь на 1958 год.

Еще больше оснований говорить об инновационных проектах в СССР в области космоса, в ядерной энергетике, военной сфере и т. д. Попутно отмечу, что едва ли убедительным представляется подход, при котором инновационность связывается преимущественно со сферой повседневной деятельности людей. По значимости для экономического развития и последствиям для потребительской сферы революционные изменения в промышленном производстве играют по крайней мере не меньшую роль, закладывая к тому же необходимую техническую базу для появления новинок в области личного потребления. Приведенные примеры не имеют целью опровергнуть преимущество капиталистического хозяйствования в инновационной сфере, которое обеспечивается действием конкурентного механизма. Однако представляется, что преимущества эти носят все же не абсолютный, но относительный характер. Ведь сам социализм как плановая система, как бы к ней сегодня ни относиться, представлял собой большой инновационный проект с множеством сопутствующих новаций. Так, только в области экономики к ним можно отнести разработку первого в мире межотраслевого баланса, внедрение народнохозяйственного планирования, переход к всеобщему бесплатному образованию и подготовке кадров и т. д. Более того, инновационный проект социалистиче-

ского общественно-хозяйственного переустройства на многие десятилетия изменил облик мира.

Это означает, что, во-первых, в социалистической экономике были свои технические и социально-экономические новшества с перспективой вывода на уровень инновационных продуктов. Пусть согласиться с этим можно далеко не во всех случаях, но реализация этих проектов зачастую была простой и эффективной. Во-вторых, инновационность во многом обусловлена не столько типом хозяйства, сколько уровнем развития самой экономики, большей зрелостью порождаемых потребностей и т. д. Неслучайно подавляющее большинство приведенных в книге инноваций приходится на американские компании. Скажем, нет в этом перечне ни одной новации, внедренной в Германии. Но разве можно на этом основании заключить, что немецкая экономика не является инновационной? То есть инновационный характер национальных экономик не исчерпывается действием одного фактора (к примеру, типа хозяйства), но испытывает влияние большой совокупности разнородных причин и обстоятельств. В-третьих, не следует превозносить роль инновационности в оценке работы любой хозяйственной системы. Корнаи почему-то забывает упомянуть еще одну новацию, рожденную современным капитализмом: деривативы в финансовой сфере. Ее роль в экономике современного капитализма оказалась чрезвычайно драматичной по своим последствиям. Бесконтрольная их экспансия фактически спровоцировала наступление мирового кризиса с тяжелейшими потерями.

Вторая проблема, о которой пойдет речь, — это сопоставление «экономики дефицита» и «экономики

избытка», которые, по мнению автора, определяют главные отличия двух систем хозяйства. Ее анализу посвящена вторая часть книги. Хорошо известен вклад Я. Корнаи в обоснование имманентности дефицита природе социалистической экономики. Вслед за советским экономистом В. В. Новожиловым, который еще в 1926 году одним из первых выявил данную характеристику плановой экономики, венгерский экономист продолжил исследование этой проблемы. Новым моментом в позиции Корнаи стало дополнение трактовки дефицитности социалистической экономики симметричным определением ее капиталистического антипода как «экономики избытка» (или «экономики избыточного предложения»), которое одновременно раскрывает его достоинство. В книге причины избытка объясняются рядом обстоятельств, к которым отнесены существование монополизма, неустойчивость спроса, погоня за инновациями и возможность получать экономию за счет масштаба (114–124). Это означает, что, в отличие от мейнстримных экономистов, Корнаи исходит из убеждения, что «на реальном рынке нет и не может быть равновесия» (184), — важное теоретическое положение, подкрепленное эмпирически. Дихотомическая взаимосвязь дефицитности и избыточности позволила сформулировать тезис о симметрии этих двух устойчивых, нормальных состояний рынка и прийти к выводу о том, что явления избытка при капитализме и дефицита при социализме носят «всеобщий, хронический и интенсивный характер» (194). Основываясь на положении о неравновесности, присущей капиталистической экономике, ее преимущество Корнаи связывает не с традиционно приписываемой ей способностью автома-

тически «координировать и уравновешивать», а с динамизмом экономики избытка, непреодолимым стремлением к инновациям (214).

Таков весьма реалистичный и нестандартный взгляд на природу капиталистического производства и его превосходство над экономикой плановой. Вместе с тем возникает такой вопрос: как «избыток» соотносится с понятием «перепроизводство»? Это тем более важно, поскольку капиталистическую экономику регулярно настигают кризисы перепроизводства, чего Корнаи касается лишь мимоходом. В частности, он утверждает, что неиспользованные промышленные мощности (а в США они колеблются в зависимости от фазы цикла между 12 и 35%) характеризуют потенциальное производство, а не «реальное перепроизводство». Перепроизводство же наступает тогда, когда возникают «чрезмерные запасы» в силу недостаточности спроса, что приводит к «временным кризисам» (239). Что значит «чрезмерные запасы»? Разве чрезмерные запасы и избыточные промышленные мощности не связаны между собой? К тому же, называя причиной кризисов перепроизводства недостаточный спрос — объяснение, еще в XIX веке предложенное Сисмонди, — автор книги исключает другую не менее важную причину, обусловленную внутренней противоречивостью самого капиталистического производства, которая непосредственно влияет на процесс накопления капитала. Дело в том, что, по Марксу, наступление кризиса перепроизводства зависит не только от недостатка спроса, в первую очередь потребительского, или недопотребления. Эта проблема в принципе может быть решена за счет кредитной экспансии, хотя, как свидетельствует исторический

и современный опыт, лишь временно. Но главным становится другой процесс, связанный с падающей нормой прибыли. Корнаи отрицает такую тенденцию, считая ее не подтвержденной историческими фактами. То, что она не действует постоянно и неуклонно, не вызывает сомнений, и не случайно Маркс придерживался такого же мнения, признавая наличие противодействующих факторов. Но роль этой тенденции в возникновении кризисов перепроизводства, пусть и краткосрочную, трудно отрицать. Поэтому и сегодня, на наш взгляд, сохраняет значение утверждение Маркса о том, что понижение нормы прибыли «способствует перепроизводству, спекуляции, кризисам, появлению избыточного капитала наряду с избыточным населением»².

Попутно отметим, что присущее капитализму свойство инновационности, кроме конкурентной борьбы, в немалой степени стимулируется стремлением сдерживать падение нормы прибыли. Можно считать, что развертывание кредитной экспансии вкупе с поддержанием инновационной активности, — это два согласованных способа сдерживания падения нормы прибыли и предотвращения кризисных процессов. В отдельные периоды эта политика приносит успех, но не гарантирует от срывов.

Возвращаясь к проблеме дефицита и избытка как противоположным характеристикам социалистической и капиталистической экономик, обратим внимание на их относительность, особенно если не ограничивать их лишь товарами и услугами. И при капитализме возникают симптомы дефицита в тех сферах, в которых появляются бесплатные услу-

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 265.

ги, о чем упоминает и автор книги (249). Еще более значим дефицит денег, за которым скрывается дефицит покупательной способности общества. Такой вид дефицита существенным образом проясняет ситуацию с появлением рыночного избытка после перехода от плановой (дефицитной) экономики к рыночной. Приведу частный пример, касающийся сегодняшней экономики избытка. Книга Яноша Корнаи «Дефицит» была опубликована в СССР в 1989 году в условиях дефицитной экономики тиражом 40 тысяч экземпляров, а обсуждаемая книга вышла в современной России с наступлением экономики избытка тиражом 1 тысяча экземпляров. Теперь более значимый пример. Сегодня поголовье крупного рогатого скота в РФ составляет 21 млн голов, и это меньше, чем было в 1915 году (33 млн голов) и в СССР (55 млн голов). Соответственно, производство мяса сократилось более чем на треть. Но главное, что при устранении дефицита мяса в стране его потребление семьями сократилось. В СССР в среднем потреблялось примерно 60–65 кг на душу населения (из которых 2 кг — за счет импорта), а к 1980 году потребление возросло до 70 кг. В настоящее время в РФ оно составляет 54 кг, из которых более 10 кг приходится на импорт. Стоит лишить современный российский рынок возможности закупки импорта по широкому кругу товаров, как товарный дефицит может возродиться вновь или резко подскочат цены.

Наконец, третья важная проблема, касающаяся нынешнего мирового кризиса капитализма и его будущей судьбы. Корнаи лишь бегло затрагивает этот вопрос, считая кризис стандартным проявлением циклических процессов при капитализме. Но так ли это? Можно ли

после краха социализма продолжать говорить о том, что капитализм не имеет альтернативы? В настоящее время в этом уже можно усомниться, что подтверждает системная природа кризиса. Альтернатива нынешнему капитализму существует хотя бы потому, что будущее всегда многовариантно и непредсказуемо. Тему социализма применительно к возможности посткапиталистического развития также не следует считать закрытой. Во-первых, история доказывает, что новое рождается не через один, а через два скачка и два перехода. То есть процесс утверждения нового проходит через отрицание отрицания. Первоначально отрицается предшествующий тип экономики, и одновременно происходит отрицание старого качества и первичной (незрелой) формы экономики нового типа. И только после второго перехода может произойти действительное утверждение нового типа экономики, либо этот процесс рождения нового в экономике затухает в силу разных обстоятельств. Между прочим именно так проходило становление капитализма. Первоначально он возник в городах на севере Италии, в Швейцарии, Нидерландах. Однако затем наступил откат и возвращение феодализма. Лишь со второй попытки, когда в Англии совершил-

ся промышленный переворот, капитализм побеждает окончательно. Не исключено, что эта схема применима и для посткапиталистического развития, тем более что сам лозунг «нового социализма» не исчез, но лишь дальше распространился по миру (в частности, в Латинскую Америку). Учитывать надо и то, что глубина кризиса и сложность выхода из него отражаются на росте популярности альтернативных вариантов развития в Европе и Азии. Во-вторых, капитализм обладает действительно редкой способностью к трансформации и обновлению. Представляется, что именно в этом следует видеть его историческое преимущество, даже более значимое, чем инновационность в производственной сфере. Поэтому и сегодня у капитализма есть перспектива, которая воплотится, если в нем найдется потенциал для очередного обновления.

Таким образом, исторический выбор, вновь возникший в зоне бифуркации в мире капитала, можно определить так: к «другому капитализму» или к «другому некапитализму». «Вопрос этот разрешит отнюдь не поединок между пророчествами, но грядущая история». С этим утверждением Яноша Корнай нельзя не согласиться.

Виктор Рязанов

ДРУГОЙ КАНОН

Эрик С. Райнерт. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. М.: ГУ ВШЭ, 2011. — 384 с.

В книге известного норвежского ученого подвергается критике господствующая экономическая теория

и предлагается альтернативный взгляд на роль рыночных регуляторов и свободной торговли в разви-